

УДК 101; 165

А.В. Кривошеев**«ТОТАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОТВЕТА»
КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ
М.М. БАХТИНА**

На материале ранних работ М. Бахтина выявляются и исследуются основные контуры (принципы и положения) его философской герменевтики. Показано, как из событийных взаимоотношений (диалога) «я» и «другого» рождается «тотальная ответственность ответа», являющаяся условием понимания.

Ключевые слова: «я» и «другой», человек, ответственность, вина, милость.

В этой статье мы обозначим и рассмотрим некоторые основные, с нашей точки зрения, моменты-положения *герменевтического контура* философии М. Бахтина. Традиционно исследователями-бахтинистами герменевтический проект Бахтина принято связывать с «языком» («словом») и, соответственно, всем тем, что располагается (или можно расположить) вокруг этих концептов («диалог», «полифонизм» и т.п.). Также считается, что «герменевтический проект» сложился в негласной полемике с Г. Шпетом и имеет много общего с герменевтикой М. Хайдеггера. Согласимся со всем этим, поскольку это действительно так.

Задача же данной публикации – высказать тезисы герменевтики Бахтина именно как *философа*. Бахтин требует к себе философского отношения, отчасти потому, что сам всю жизнь был и оставался прежде всего философом. Из бесед В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным: «Д: Вы были больше философ, чем филолог? Б: Философ, чем филолог. Философ. И таким и остался по сегодняшний день. Я философ. Я мыслитель» [1. С. 42]. Бахтину на момент этой беседы было уже 78 лет, она состоялась незадолго до его смерти (1975). Суть же упомянутого «философского отношения» прекрасно выразил К.Г. Исупов – один из инициаторов издания известного двухтомника «М.М. Бахтин: pro et contra»: «Прямой долг бахтинистов – не толпиться вокруг письменного стола мыслителя в ожидании сенсационных архивных публикаций, а попытаться понять, о чем так напряженно и так красноречиво молчал русский христианский философ Михаил Бахтин» [2. С. 23]. Итак, о какой герменевтике молчал Бахтин?

В текстах раннего Бахтина, на которых мы сосредоточимся в этой статье, термин «понимание» (в смысле самостоятельного концепта) практически не используется. «Понимание» здесь лишь как редкое слово в ряду других слов. По всей видимости, это связано с тем, что М. Бахтин связывал проблему понимания с «психологизмом», к которому относился крайне скептически. К тому же не следует забывать, что во время создания им своих ранних работ «герменевтики» как философской дисциплины, заложившей в свой фундамент именно «понимание» как философскую проблему, еще, по сути, не бы-

ло. «Понимание» – это было как раз что-то из области психологии (восприятие) и, может быть, эстетики. Да и неокантианство, основное «увлечение» Бахтина того времени, акцентирует как раз проблемы познания-познавания, а не понимания. Однако интерес в том, что как раз *герменевтический* пласт в работах раннего Бахтина очень богат и силен, следует лишь проявить его, показать, что это именно он, о «понимании» ведется речь. Проявить эту скрытую явленность не так-то просто, язык Бахтина крайне специфичен, образен и многогранен, известна любовь Бахтина использовать множество многоэтажных синонимов для обозначения одной и той же вещи даже в рамках одного текста. Но, глядя на раннего Бахтина из будущего, вооруженного уже состоявшейся герменевтикой как философской наукой, становится возможным осуществить этот труд. И, кто знает, может статься, что именно русский философ М. Бахтин заложил в основание этой науки не последний камень.

Выявим герменевтический след в статье Бахтина «Искусство и ответственность» (1919 г.). Это наиболее раннее из опубликованных произведений Бахтина. Очень небольшая (буквально на страницу) статья, в которой тем не менее сказано очень многое для понимания М. Бахтина. И понимания его «понимания», то есть герменевтической проблематики в его творчестве.

«Я» и «Другой». Как рождается всеответственность ответа? Цитата из упомянутой статьи: «Целое называется механическим, если отдельные элементы его соединены только в пространстве и времени внешней связью, а не проникнуты *внутренним единством смысла* (курсив наш. – А.К.). Части такого целого хотя и лежат рядом и соприкасаются друг с другом, но в себе они чужды друг другу» [З. С. 7]. Здесь закладывается и раскрывается важная для понимания герменевтики Бахтина проблематика целого и цельности вообще. Целое является *механическим*, в том случае, если элементы (части) его обретают цельность внутри некоторого контекста (в «пространстве» и «времени»). Строго говоря, это не цельность, а отнесение к контексту, в рамках которого эти условно называемые «части» обретают себя именно как части какого-то «целого», условно наделяются условным смыслом. Таким же образом создается и само псевдосмысловое целое, поскольку там, где есть «часть», должно быть и «целое». Но целое именно как реализация какого-то контекста, в предельном доступном человеческому диапазону смысле – пространственно-временным. Поэтому и связь таких элементов-частей такого целого-контекста называется внешней. А сами по себе эти части остаются чуждыми друг другу (без-смысленными), поскольку «частями»-то как раз не являются и никакого «целого» тоже нет. Выразительных средств языка недостаточно, чтобы передать идею, поэтому Бахтин прибегает к образу «механизма», противопоставляя его истинному целому («внутреннему единству смысла») и нечуждости («любости») частей.

Так из проблематики целого рождается проблематика *единства*. Причем единства *внутреннего* и единства *смысла*. Единство (это относится и к специальным областям культуры – наука, искусство, жизнь) обретается только в *личности*, «...которая приобщает их к своему единству» [З. С. 7]. Ключевой момент – личность. Точнее даже – *единство* личности. Речь идет об архитектурной структуре («единство») личности, в этой статье мы только обозначим ее как наличный факт и двинемся дальше. Единство как противопос-

тавление упомянутой выше псевдо-цельности («механизм») есть приобщение чего бы то ни было личностью к своему единству – «единство и взаимопроникновение внутреннее в единстве личности» [3. С. 7]. Таким образом, единство становится внутренним. Смысл же единству задается как раз личностью. Для того чтобы ответить на вопрос, как это происходит, следует подробно рассмотреть ее архитектурно-структурную структуру, чему мы в дальнейшем посвятим отдельную статью.

Что же задает и гарантирует внутреннее взаимопроникновенное единство частей-элементов, является его условием? Таковым, по Бахтину, является *единство ответственности*: «За то, что я пережил и *понял* в искусстве, я *должен отвечать своей жизнью* (курсив наш. – А.К.), чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней» [3. С. 7]. Обращаем ваше внимание, что конечно, речь идет не только об искусстве. В рассматриваемой статье «Искусство и ответственность» М. Бахтин говорит об искусстве как о примере некоторого «самозаконного теоретического мира»¹, на модели взаимоотношений «искусства» и «жизни» обозначает некоторые основные принципы, имеющие большое значение в деле понимания его герменевтических идей. И в этой статье мы, может быть, впервые встречаемся у М. Бахтина с «пониманием» не как просто словом, но как с понятием, встроенным (пусть задним числом и неявно) уже в определенный герменевтический концепт, с представлением о том, как есть и как должно быть в сфере именно понимания. То, что термин «понимание» употребляется здесь в одном ряду с «переживанием», как раз и указывает на отнесение ранним Бахтиным герменевтической проблематики к сфере ведения психологии², и отсюда определенное невнимание к её философской самобытности и автономности. Однако если следовать рекомендации К.Г. Исупова и попытаться понять, о чем же здесь *молчал* Бахтин, то можно узнать многое.

Понимание связано, во-первых, с идейным комплексом «я должен отвечать своей жизнью». И, во-вторых, с действительностью в смысле обнаружения в событийности, деятельности. Причем деятельности в аспекте *действительности* как некоторого *налаживания* (привести в действие). Здесь более подробно рассмотрим только некоторые аспекты первой связи.

Я → Архитектоническая структура («единство») личности.

Я должен → Известная бахтинская проблематика «долженствования» и поиска основ должного как заданного (противоположного данному).

Я должен отвечать → Если отвечать, то всегда *перед*. Там, где речь заходит об ответе, появляется (где-то рядом, вне-положно или внутри-положно) – *Другой*. Бахтинский «другой» рождается из ответа, будучи промодулирован его долженствованием. Он может быть мной самим, но это уже не я, это «не-я» во мне, «другой» я. Из должности ответа рождается и известный бахтинский *диалог*. Держать ответ = вести диалог.

Я должен отвечать своим → Потому что никак нельзя *отвечать* чужим, другим. Отвечать – *перед* другим. Другим (не своим) нельзя ответить перед «другим», ведь в таком случае исчезает «ответ», вслед за другим. Отвечаешь всегда своим. Единственностью. Единственностью единства. Со-бытием³.

¹ См. трактат М.М. Бахтина «К философии поступка» [4].

² Нелюбимый Бахтиным «психологизм».

³ Также см. трактат «К философии поступка».

Я должен отвечать своей жизнью → Тут, конечно, всплывает парадоксальный момент, поскольку, вообще говоря, ответить *своим* невозможно, потому что нет ничего действительно «своего». «Свое» появляется и есть только в связи с «другим». Поэтому есть только нечто общее – *наше* (я и другого). Это самое «наше» – имеет в языке символическое имя «жизнь». «Своего» у меня только наша жизнь. Наша с «другим». Поэтому я всегда отвечаю и за «себя», и за «другого» сразу. В своей единственности я отвечаю за все, и за всех в единстве. Речь идет о *тотальной ответственности ответа* каждого. Бахтин говорит о всеответственности ответа: «Личность должна стать сплошь ответственной...» [3. С. 7]. И, кстати говоря, как раз здесь находится корень так называемой «нравственной» проблематики в философии М. Бахтина.

«Я должен отвечать своей жизнью». Без этой тотальной ответственности ответа не может идти речь о том, что что-либо *понято*. Фактически это один из *основополагающих принципов* герменевтической концепции М. Бахтина. Кроме того, он же является *условием и причиной действительности* (теория действия в философии). В зазор между ними невозможно вставить даже лезвие бритвы Оккама. Понял = привел действием в действительность, наладил. Воде должно течь.

Но там, где ответственность, там и *вина*. Ответственность связана с виной так же, как с жизнью связана *смерть*. Проблематика «жизнь – смерть» интересным образом в герменевтической плоскости раскрывается М. Бахтиным в трактате «К философии поступка». Здесь мы отметим явные перекрестья смысловых потоков: «ответственность» – «жизнь», «вина» – «смерть». В статье «Искусство и ответственность», рассуждая о вине, на примере взаимоотношений «поэта» (человека искусства) и человека жизни (обычной жизни, в смысле её прозы), Бахтин выводит тезис не только о необходимости взаимной ответственности, но и *взаимной вины* одного перед другим и одного за другого: «Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов» [3. С. 7]. Я не только отвечаю за другого, я в то же самое время и виноват за другого. Это еще одна ипостась тотальности ответа.

Что такое вина? Вина – это ведь та же самая ответственность. Но это ответственность в *модусе смерти*, смертности того, кто смертен. То есть в модусе «личности», которая единственно только смертна. Здесь мы уже выходим на следующий серьезный пласт бахтинской философии – ценность смертного человека и вообще ценность *смерти человека* для понимания, которая раскрывается Бахтиным в трактате «К философии поступка»: «Только ценность смертного человека дает масштабы для пространственного и временного ряда: пространство – уплотняется как возможный кругозор смертного человека, его возможное окружение, а время имеет ценностный вес и тяжесть как течение жизни смертного человека, причем [?] и содержание временного определения, и формальная тяжесть, значимое течение ритма» [4. С. 60]. Забегая далеко вперед отметим, что «смерть человека» – это еще один принцип проекта понимания М. Бахтина: «Если бы человек не был смертен, эмоционально-волевой тон этого протекания, этого: раньше, позже, еще, когда, никогда – и формальных моментов ритма был бы иной» [4. С. 60]. Отда-

вая себе отчет, что данный наш тезис не вполне ясен читателю без соответствующих разъяснений, мы все же высказываем его, дабы сохранить общую логику контекста этой статьи.

Вина как ответственность личности (человека) смертью в своей единственности за все в его единстве – *принцип всевинности* – это оборотная сторона герменевтического принципа всеответственности. Таким образом, всеответственность ответа как условие понимания = «Я должен отвечать своей жизнью» + «Я должен отвечать своей смертью». Вокруг этих архитектурных точек укладываются все моменты бытия личности: «...все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности» [3. С. 7]. Игнорировать тотальность ответственности ответа все равно, что игнорировать собственный вдох. М. Бахтин говорит: «Вдохновенье, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновенье, а одержание». Одержание в данном случае следует трактовать по терминологической сути именно как *отказ*, как алиби в бытии (в противовес бахтинскому не-алиби) – *подыши за меня, другой*. Со-бытие бытия умерло не родившись. И все узлы, все концы – в *личность*. Именно в ее единственности – взаимопроникновенное (проникающее друг друга) единство ответа: ответственность и вина. И все узлы, все концы – в *человека*. Именно в его единственности – взаимопроникновенное единство ответа: жизнь и смерть.

О «человеке» в интересующем нас контексте больше всего мы можем узнать из эстетики Бахтина, его концепции эстетического видения. Помня при этом, что «мир эстетического видения» – это модель, экспонат, один из ряда «самозаконных теоретических миров», на котором М. Бахтин показывает и подробно разъясняет принципы своей как раз философии. Этот мир, безусловно, наиболее люб Бахтину, наиболее близок истине «поступка»¹, но все же это «самозаконный теоретический мир» со всем тем, что вкладывается в содержание этого понятия его автором. Для нас же важен герменевтический контур бахтинской философии. Поэтому многие элементы «герменевтического проекта» мы усматриваем именно в эстетике Бахтина. Причем это не эстетика как таковая и даже не философская эстетика. Эстетика Бахтина – это, собственно, его философия и есть. Множество тончайших деталей, плодотворных идей, единство в многообразии смыслов, красота и выразительность языка, богатство слова. А в итоге вся эта вселенная эстетики сжимается в одну (единственную в своем единстве) точку, ради которой все это и затевалась. Это точка – поступок. А *человек* – причина и условие его бытия как со-бытия (события). Об этом у нас еще будет отдельный разговор.

«Человек» в мире эстетического видения реализуется и есть в модусе «герой». Человек – это герой: «Весь ценностный топос, вся архитектоника видения были бы иными, если бы ценностным центром был не он» [4. С. 58]. Его бытие – его произведение, его пьеса, его «художество», имеющее место быть только в модусе *со-бытийности*. Один из внутренних смысловых рядов понятия «герой» – тот, кто совершает нечто выходящее за рамки привычности, даже расширяющее их, оживляющее их, *одвиживающее* их, приводящее в

¹ Также см. трактат «К философии поступка».

движение. То, что движет бытие (и движет бытием) как вечный и первый движитель. Бытие движется за счет событийности, за счет «со-» бытия, источником которого и является человек. В этом его героизм. Поэтому можно говорить о человеке как о *герое бытия*. Отсюда также и выражение «героический поступок», которое, строго говоря, не совсем верно. Это тавтология, поскольку поступок по своей сути – всегда героический. Человек как аватар в лоне застывшей, косной (это не негативные определения!) материи-бытия. Все было так спокойно (возбужденно), так ясно (темно) и понятно (запутанно), а теперь все шевелится поступками. Один из смысловых рядов нашумевшего американского фильма «Аватар» именно об этом. Это такая созданная с голливудским размахом гипербола поступка.

Причем «герой» может поступать и «плохо» с чьей-либо точки зрения. Точнее, не с «чьей-либо», это все-таки предполагает, что есть какой-то единственный «кто», обладающий всезнанием и всеполнотой оценки, но с точки зрения всезнания и всеполноты не может быть ни «плохого», ни «хорошего». Как не может быть и «кого-либо» как *единственного*. «Плохо» или «хорошо» существует с точки зрения определенного самозаконного теоретического мира (одного из тех, о которых шла речь выше), мира некоего упорядоченного определенным образом *единства*. Как отмечает Бахтин: «Это не значит, однако, что именно герой произведения должен быть представлен как содержательно-положительная ценность, в смысле придания ему определенного положительного ценностного эпитета: «хороший, красивый» и под., эти эпитеты могут быть все сплошь отрицательными, он может быть плох, жалок, во всех отношениях побежден и превзойден, но к нему приковано мое заинтересованное внимание в эстетическом видении, вокруг него – дурного, как вокруг все же единственного ценностного центра, располагается все во всех отношениях содержательно лучшее. Человек здесь вовсе *не по хорошу мил, а по милу хорош* (курсив наш. – А.К.). В этом вся специфика эстетического видения» [4. С. 58]. «Герой» может быть и «дурной». Но тем не менее эта вот его «дурость» (как приданный эпитет) не имеет значения для его функции, не меняет его места в бытии, никак не затрагивает его значения в бытии. Функция человека – быть *милостью*. Человек – это милость. Это милость бытия в аспекте «со-». Какую красивую, тонкую и точную дефиницию человека подарил нам Бахтин: *человек – это не по хорошу мил, а по милу хорош*. Герои Ф.М. Достоевского и его творчество в целом, к которому не случайно в этой связи обращался пристальный взгляд Бахтина, самым наглядным образом иллюстрируют и эту функцию человека, и разъясняют эту бахтинскую дефиницию. Потому герои Достоевского приковывают к себе внимание многих поколений *людей*.

Причем *милость* вовсе не означает размывания границ. Бахтин пишет: «...Эстетическое видение отнюдь не отвлекается от возможных точек зрения ценностей, не стирает границу между добром – злом, красотой – безобразием, истиной – ложью; все эти различия знает и находит эстетическое видение внутри созерцаемого мира, но все эти различия не выносятся над ним как последние критерии, принцип рассмотрения и оформления видимого, они остаются внутри него как моменты архитектоники и все равно объемлются всеприемлющим любовным утверждением человека. Эстетическое видение

знает, конечно, и «избирающие принципы», но все они архитектурно подчинены верховному ценностному центру созерцания – человеку» [4. С. 59]. Да, естественно, милость знает «различения», знает «критерии», знает «принципы». Но милость не признает их стоящей-над последней. Бахтинский человек не знает «последнего слова», «единственно верного критерия», «единственно верного первопринципа», «окончательного решения», вообще всякой окончательности и данности. Милость – во всеприемлемости. Милость не знает *точки*, ее нет. Точка не может быть поставлена никогда. Потому что выше любой точки – милость, человек, «верховный ценностный центр созерцания». Милость знает *моменты* (событие, заданность), но не точки (бытие, данность). Все эти «последние точки» – внутри человека, относительно милости они – всего лишь моменты (в бесконечном ряду моментов) архитектуры. Единственно почему они есть – это, во-первых, *утверждение*, и, во-вторых, утверждение *любовное*: «...Ценностным центром событийной архитектуры эстетического видения является человек не как содержащее себе тождественное нечто, а как любовно утвержденная конкретная действительность» [4. С. 59]. В этом герменевтическое значение милости. Принцип *милости* – как грань герменевтического принципа тотальной ответственности ответа.

Литература

1. *Беседы* В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 342 с.
2. *Исупов К.Г.* Уроки М. М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Том 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2001. С. 7–44.
3. *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 5–9.
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 9–69.